

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Желтикова И.В., Петрова Р.А. Психологический механизм формирования образа будущего // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.75619 EDN: WNAJAT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75619

Психологический механизм формирования образа будущего

Желтикова Инга Владиславовна

ORCID: 0000-0002-4540-2797

кандидат философских наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра философии и культурологии; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

302025, Россия, Орловская область, г. Орел, ул. Бурова, 26

[✉ inga.zheltikova@gmail.com](mailto:inga.zheltikova@gmail.com)**Петрова Регина Андреевна**

ORCID: 0000-0002-7162-9880

специалист по учебно-методической работе; ФБГОУ ВО "Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева"

302026, Россия, Орловская обл., г. Орёл, Заводской р-н, ул. Комсомольская, д. 95

[✉ aposteriori.2017@mail.ru](mailto:aposteriori.2017@mail.ru)[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.8.75619

EDN:

WNAJAT

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают механизмы формирования индивидуального образа будущего и возможность их влияния на образ будущего как феномен общественного сознания. В статье представлен краткий обзор существующих подходов к решению проблемы возникновения образов будущего и предложено детальное рассмотрение двух психологических принципов: метафоры и архетипы,

участвующих в формировании картин будущего, оба они обнаруживают использование при размышлении о будущем бессознательных приемов. Авторы на конкретных примерах показывают, что стремление представить будущее включает такие установки на индивидуального сознания, благодаря которым воображение перспективы основывается на ассоциативных связях с настоящим (метафора) или задействует универсальные мыслительные образцы (архетипы). Особое внимание в статье уделяется образам будущего, функционирующим в русской культуре последних двух столетий. Методология исследования заключается в экстраполяции эвристического потенциала метафоры и архетипа на исследование будущего. Выявление метафоры в картинах будущего позволяет обнаружить психологические механизмы, обеспечивающие их согласованность в рамках социальных групп. Использование архетипа для понимания образов будущего позволяет увидеть своеобразные «подсказки», поступающие из коллективного бессознательного и помогающие организовать дискурс о будущем. Новизна исследования заключается в описании метафоры и архетипа как элементов психологического механизма формирования образа будущего. Использование метафоры в создании картин будущего помогает структурированию опыта, передаче эмоциональных переживаний, связанных с будущим и упрощению сложных идей. Архетипы, присутствующие в представлениях о будущем, выполняют смыслообразующую, структурирующую и миметическую функции. Основные выводы исследования касаются присутствия в размышлениях о будущем адаптационного механизма психики, позволяющего справится с принципиально неопределенной и потенциально опасной ситуации будущего. Авторы полагают, что и первичное складывание картин будущего и вторичная реконструкция их исследователем, задействует общие психические механизмы – метафоры и архетипы. В этой связи представляется важным при изучении образов будущего фиксировать не только сами архетипы, а особенность набора архетипических сюжетов, специфику символического их выражения, не просто констатировать присутствие тех или иных метафор в репрезентации будущего, а выделять оригинальные метафоры или принципы их использования при описании будущего.

Ключевые слова:

образ будущего, метафора, архетип, социальные ожидания, бессознательное, общественное сознание, воображение, образ будущего России, архетип правителя, методология гуманитарных исследований

Введение

Образ будущего – словосочетание, в последнее время активно используемое как в научном, так и в публицистическом дискурсе. И если в публицистике под образом будущего чаще всего подразумевают идеологические конструкты или расплывчатые размышления о перспективах, то в сфере исследований будущего, понятие «образ будущего» обладает вполне определенным значением.

Индивидуальный образ будущего выступает элементом картины мира отдельного человека, одним из двух темпоральных горизонтов личности. Психологи и педагоги изучают такие образы у школьников или студентов, заключенных или больных людей, для понимания механизма выстраивания ими жизненных проектов. В рамках исторической науки и литературоведения происходит реконструирование представления о будущем конкретных личностей прошлого, политиков, ученых или писателей.

Коллективные образы будущего трактуются как присутствующие в обществе социальные ожидания, настроения по поводу будущего, более или менее целостные картины перспективы. Они оказываются востребованы социологами, политологами, социальными философами, футурологами. Приоритет в изучении коллективных образов будущего принадлежит социологам, которые путем анкетирования широкого охвата или углубленного интервью фокусных групп, проективных тестов или анализа социальных сетей, устанавливают медианы социальных ожиданий, выясняя образы будущего определенных возрастных или социальных групп, представления о будущем, функционирующие в тех или иных регионах или профессиональных сообществах. Политологические исследования образов будущего сосредоточены вокруг темы акторов, формирующих образы будущего и способов их транслирования, параметров, которыми обладают позитивные или негативные образы будущего, влияния картин будущего на политическую ситуацию. Разговор об образе будущего как идеологеме, отражающей заказ власти, указывает на то, как будущее вписывается в декларируемые в настоящем приоритеты. Например, на прошедшем в июне 2025 года Петербургском международном экономическом форуме Медиахолдинг Алины Кабаевой «Национальная медиа группа» анонсировал создание футурологической лаборатории, которая займется созданием «позитивного образа будущего» для российского общества. По задумке разработчиков, идеи лаборатории будут использовать режиссеры кино и литераторы. Очевидно, что при этом, должно быть понимание природы, принципов существования и механизмов возникновения образа будущего.

Несмотря на то что образ будущего является востребованным исследовательским концептом, вопрос о его природе остается открытым. Как в свое время Аристотель в трактате «Категории» не определил природу общих понятий (чем инициировал спор об универсалиях в средневековой философии), исследователи, использующие в своих работах словосочетание «образ будущего», не уточняют номинальный или реальный статус этой категории. С одной стороны, образ будущего может быть понят в духе реализма как индивидуальная картина будущего, присущая в общественном или индивидуальном сознании. В пользу этого говорит возможность обнаружить индивидуальные представления о будущем в текстах различных типов: романах и рассказах, научных и философских трактатах, политических программах и экономических проектах, письмах, дневниках и мемуарах, кинофильмах, мультфильмах, дискуссиях в телепрограммах и социальных сетях. В то же время, в масштабах общества достаточно заметно совпадение образов будущего, которые присутствуют в индивидуальных представлениях. Причем представления о будущем, присутствующие на индивидуальном уровне, складываются в несколько альтернативных вариантов видения завтрашнего дня. Так что уместным оказывается говорить о более чем одном образе будущего, функционирующем на уровне общественного сознания в конкретный промежуток времени. То есть альтернативные картины будущего, соприсутствующие на уровне общественных настроений, предчувствий, отношений к будущему, разделяются теми или иными людьми и запечатлеваются в различных текстах. С этой позиции – образ будущего реален как феномен общественного сознания и содержание индивидуального сознания.

Однако произведения, непосредственно выражающие авторское представление о будущем, не так многочисленны, гораздо чаще мы имеем дело с текстами, содержащими указания на отдельные черты будущего. И даже индивидуальный образ будущего выявляется или реконструируется исследователем на основании отдельных авторских замечаний о будущем. Например, в написанных им литературных произведениях или философских трактатах, размышлениях на страницах дневника или письмах. Еще более значима фигура исследователя при изучении коллективных образов будущего. Так,

социологические исследования уже на уровне составления анкет включают фигуру исследователя в процесс создания образа будущего, этап же обобщения данных и их интерпретации позволяет поставить вопрос: не является ли картина будущего результатом исследовательского конструирования? Говоря о существовании некоего «общего знаменателя» в видении будущего, нельзя не признать, что выделяется он исследователем, а потому и сам образ будущего в большей степени номинален, чем реален, скорее сконструирован, чем реконструирован.

От решения вопроса о статусе образа будущего зависит и вопрос о его происхождении. Отвечая на него с позиции номинализма, мы будем размышлять о том, чем руководствуется исследователь, конструируя картины будущего. Позиция же реализма предполагает ответ на вопрос: под действием каких факторов в индивидуальном или общественном сознании возникают те или иные картины будущего?

В предыдущих своих исследованиях мы исходили из того, что образ будущего – это феномен, а не исследовательский конструкт, но он не дается нам в прямом наблюдении, а как любой культурный феномен существует через свои конкретные проявления – разноплановые дискурсы о будущем. Предметом данного нашего исследования будут выступать психологические механизмы процесса формирования индивидуального образа будущего и возможность их влияния на образ будущего как феномен общественного сознания. В своей работе мы опираемся на междисциплинарный подход, используя методы философской герменевтики и компаративистского анализа, аналитической и исторической психологии, лингвистики и социологии.

Уже сейчас образы будущего используются при изучении общественного мнения, при выстраивании стратегии развития отдельных областей и регионов, прогнозировании возможных реакций населения и его отдельных групп на реализацию политических и экономических проектов. Более глубокое понимание принципов функционирования образов будущего позволит понять, как складываются социальные ожидания, от чего они зависят, от чего зависят настроения по отношению к будущему, что делает его вполне актуальным.

Происхождение образов будущего: подходы к решению проблемы

Вопрос о механизме возникновения образов будущего является одним из нерешенных вопросов в исследованиях будущего. По сути, он распадается на два вопроса: каким образом формируются представления о будущем в сознании конкретного индивидуума и каким образом формируются и распространяются коллективные образы будущего.

Такие исследователи, как А. Рубин и Х. Линтури, Т. Ломбардо, С.А. Каболи и Р. Тапио, Л. Альбертсон и Т. Катлер, М. Гильо, К. Ангелойу, Л. Шелдрик и М. Теннант, Н. Фишер и С. Дан, К. Комп-Леуккунен и др., согласны с тем, что конкретный вид, который приобретают картины будущего, зависит от совокупности факторов, определяющих реальность носителей образов будущего. Среди этих факторов называют мировоззренческие модели [1], системы ценностей [2], принятые в обществе в целом и в конкретной социальной группе [3], место в социальной структуре и социальные роли носителей образов [4, р. 40-41], распространенные в обществе стереотипы, функционирующие на обыденном уровне представления о глобальных угрозах и присутствующие в массовом сознании знания о научных открытиях. Здесь можно уточнить, что значение имеет не только сама система общественных ценностей, но и ее изменение в масштабах времени. Поскольку именно смена ценностных координат или возникновение ситуации плурализма ценностных установок способны повлиять на возникновение новых образов будущего и

обуславливают их множественных характер.

Оригинальный взгляд на процесс возникновения позитивных картин будущего принадлежит немецкому философи первои половины 20 века Эрнесту Блоху [5]. Он полагал, что картины будущего складываются из «следов будущего», присутствующих в настоящем. Творческие люди, в первую очередь писатели, музыканты, художники, актеры, ученые, способны замечать эти скрытые в настоящем возможности и выделять из всего их спектра те, что определяют перспективу как более совершенную, нежели настоящее. Именно в этом смысле Блох говорил о картине будущего как утопии, определяя ее как горизонт надежды. Эту же тенденцию – способность будущего присутствовать в настоящем и быть запечатленным в образах – отмечает и канадский исследователь Д. Симандан [6].

В отечественном научном дискурсе образы будущего часто трактуются в качестве элемента идеологической системы, и потому их возникновение рассматривается как целенаправленный процесс, в котором принимают участие различные политические акторы, СМИ, ангажированные ученые и писатели. Образ будущего трактуется здесь как искусственный конструкт, создаваемый властными структурами в сфере общественного сознания либо с целью консолидации общества [7], определения вектора его дальнейшего развития либо с целью закрепления своего привилегированного статуса, сохранения и упрочения его в будущем [8]. Способами формирования такой «официальной» картины будущего признают символические практики [9], создание политической мифологии, социальных стереотипов, образов героев [10]. Широкие общественные дискуссии [7, 11] по поводу образа желаемого будущего, участие в них ученых, писателей, художников, других деятелей культуры [12] должны исключить навязывание «обществу тех политических идей и ценностей, которые для него неорганичны» [13].

Обобщая подходы к решению вопроса о возникновении образов будущего, существующих на данный момент, мы можем выделить два направления в осмыслении этого процесса – социальное и психологическое. Первое в большей степени касается механизмов формирования коллективных образов будущего, каковыми выступают политические, культурные, экономические процессы, происходящие в обществе и их отражение в общественном сознании, системе ценностей, распространенной в конкретных социальных группах. Анализ психологических механизмов формирования образов будущего относится к рассмотрению как индивидуальных, так и коллективных представлений, и сосредотачивает внимание на моделировании когнитивных актов, выделении устойчивых способов формирования смыслов. В центре внимания этого исследования окажутся именно психологические механизмы, присутствующие в процессе зарождения и распространения образов будущего.

Место метафоры в образах будущего

Одним из методов, широко применяемых в исследованиях образов будущего, выступает многоуровневый причинно-следственный анализ (КГА), разработанный в Центре по исследованию будущего в университете города Турку. Финские исследователи Лентура и Рубин [14] первыми различили в размышлениях о будущем несколько уровней (слоев), одним из которых был метафорический уровень.

В исследованиях финских ученых [15] и их единомышленников [16] метафора

рассматривается как способ изучения нарративов о будущем, позволяющий выявить культурную и мировоззренческую обусловленность этих размышлений, языковую картину мира, в рамках которой они осуществлялись. Методология исследования предполагала описание будущего, которое в свободной форме делали по заданию исследователей участники интервью. На определенном этапе обобщения этих рассказов о будущем происходило выделение повторяющихся метафор, что использовалось для детализации коллективных представлений о будущем. Метафоры, выделяемые в рассказах о будущем, позволяли увидеть, в рамках каких культурных моделей и языковой картины мира они сформировались.

Однако нам представляется, что изучение метафор, присутствующих в образах будущего, может быть продуктивным не только в качестве способа контент анализа, применяемого при изучении содержания перспективных картин, но и при изучении процесса мыслительного моделирования картины будущего.

В широком смысле слова, метафора – это тип троппа, при котором описание одного предмета или явления дается через его сравнение или уподобление другому предмету или явлению [17]. Метафора как предмет исследования интересует представителей различных научных областей: литературоведов [18], видящих в метафоре способ создания художественных образов, оказывающих на читателя повышенное эмоциональное воздействие, лингвистов [19, 20], изучающих ее как инструмент фиксации в речи образов отдельных предметов и явлений, психологов [21, 22], изучающих влияние метафор на процесс восприятия человеком окружающей действительности, философов [23, 24], признающих метафору одним из способов интуитивного познания.

В нашем исследовании мы будем опираться главным образом на когнитивный подход, рассматривающий метафору как особый инструмент мышления, позволяющий переносить знания из одной области опыта (*область-источник*) в другую (*область-цель*). Впервые с этих позиций метафора была проанализирована в книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980) [25].

С точки зрения когнитивного подхода, метафора, какой мы видим ее в языке, – это, так сказать, вершина айсберга, след работы по освоению окружающего мира, происходящей в нашем сознании. Сама метафора является одним из способов мышления, близким к умозаключению по аналогии, но протекающим подсознательно и включающим работу со смыслом не только на языковом, но и на образном уровне. Вилейанур Рамачандран и Вильям Хирстайн [26] полагают, что возникновение и восприятие метафоры происходит по-разному в левом и правом полушарии головного мозга человека, поэтому мост, образованный метафорой, соединяет не только неизвестное или трудно объяснимое явление и явление более знакомое и понятное, но и объединяет интуитивную, ориентированную на образы, работу правого полушария с рационально-логическими суждениями левого.

Чем сложнее объект осмыслиения, тем значимее, на наш взгляд, роль метафоры в этом процессе. Именно поэтому высказывания о будущем часто включают в себя метафоры: простые – разви́лка будущего и расширенные – будущее – это ребенок в утробе матери настоящего, стертые – светлое будущее и символические – мы пережили свое будущее, и метафоры олицетворения – слёзы прошлого оплодотворяют будущее, и аллегории – будущее туманно, а конец – всегда близок. Возможность думать об одной сфере в терминах другой позволяет выразить представления о несуществующей еще реальности будущего, опираясь на уже известное, познанное в процессе взаимодействия с

действительностью [27]. В этом плане метафора является эффективным мыслительным механизмом, участвующим в формировании образа будущего на индивидуальном уровне. В процессе метафоризации оказываются задействованы аналоговые, логические, ассоциативные модели, что позволяет относительно легко описывать то, чего еще нет. Думая о будущем, мы не просто делаем это в категориях и образах настоящего, мы наделяем их новым смыслом, формируя новую реальность. Метафоры, используемые в разговоре о будущем, знаменуют собой способ преодоления невозможности высказывания о том, чего нет и чье существование остается в области фантазии. В то же время, иносказательное говорение о будущем – это все-таки, говорение, то есть способ объективации содержания сознания, конкретизации неопределенности будущего.

На форму и содержание метафоры оказывают влияние как культурный контекст ее возникновения, так и «личность конструктора», фантазия которого определяет мотив выбора того или иного выражения, сводящего воедино далёкие друг от друга реальные объекты [28]. Поэтому метафоры участвуют в формировании не только индивидуального видения будущего, но коллективных представлений перспективы. Сходные метафоры, фиксируемые в КГА финскими исследователями, свидетельствуют о том, что, размышляя о будущем, отдельные члены социума используют присутствующие в культуре ассоциации и, в свою очередь, вносят в языковую картину мира устойчивые метафоры о будущем. Таким образом, образуется единое для определенной среды смысловое поле, в котором происходит формирование конкретного видения перспективы, конкретного образа будущего.

На наш взгляд, можно выделить три функции метафоры как когнитивного приема, участвующего в осмысливании будущего. Во-первых, метафора способствует структурированию опыта, важного при осмысливании будущего. Именно социальный опыт выступает той областью, основываясь на которой выстраивается метафора. Социально-экономическая, политическая, культурная ситуация, в которую включен конкретный человек, осознается им через деятельное или созерцательное участие, формирующее личный жизненный опыт. Багаж знаний из области культуры и науки, креативные способности, умение анализировать доступную информацию и строить мыслительные модели, создаваемые путем интерпретации и комбинирования элементов реального опыта, можно обозначить как воображаемый опыт. И тот и другой оказываются востребованными в процессе метафоризации, когда абстрактные или неясные идеи, связанные с будущим, выражаются через более конкретные и понятные образы настоящего.

Второй функцией метафоры как когнитивного приема является передача эмоционального переживания, связанного с будущим. Представления о будущем, складывающиеся в целостный или, по крайней мере, единый образ перспективы, включают в себя не только ожидания тех или иных событий и состояний, возможных в будущем, но и эмоциональные переживания, вызываемые этими событиями. Эмоциональная составляющая образа будущего отражает его желаемость, чувства, испытываемые по его поводу. Использование метафоры акцентирует эмоциональную сторону картины, делает ее обращенной непосредственно к конкретной личности, ее переживаниям и ассоциациям. В образах будущего с помощью метафоры передаются отношение к будущему автора или носителя образа и его стремление поделиться своей заинтересованностью в конкретном варианте будущего.

Так, американский философ и футуролог Френсис Фукуяма в своей известной работе «Конец истории и последний человек» [29] рисует, на первый взгляд, привлекательную

перспективу исторического прогресса, завершившегося наиболее оптимальным соотношением индивидуальной и общественной свободы, в виде секулярного государства эгалитарной демократии, рыночной экономики и принципа равенства возможностей. С одной стороны, такая организация социума обеспечит удовлетворение притязаний каждого его члена на самовыражение без необходимости жертвовать ради этого своим благополучием или даже жизнью. С другой – исключит из жизни сильные эмоции, риск, готовность «все поставить на кон». Для передачи своего отношения к созданному образу будущего Фукуяма использует метафору «человека без груди», заимствуя ее у К.С. Льюиса, называвшего так людей, состоящих «лишь из желания и рассудка, но не имеющих гордости самоутверждения, которая была в какой-то степени сердцевиной сути человека в ранние времена» [29, с. 152]. Философ признает, что, думая о будущем, он испытывает ностальгию по времени, когда человек был готов рисковать жизнью ради абстрактной идеи, а соперничество соседствовало с отвагой и идеализмом, питая искусство и философию. «Типичным гражданином либеральной демократии является «последний человек», – пишет Фукуяма, – который, будучи вышколен основателями современного либерализма, оставил гордую веру в собственное превосходящее достоинство ради комфорtabельного самосохранения. Либеральная демократия порождает «людей без груди», состоящих из желаний и рассудка, но не имеющих «тимоса», умело находящих новые способы удовлетворять сны мелких желаний путем расчета долговременной выгоды для себя» [29, с. 13]. Человек без груди – это метафора, передающая чувства Фукуямы по отношению к созданной им самим перспективе, заимствованная у Льюиса, она отсылает нас к нехватке, недостатку чего-то, утрате существенной стороны человечности.

Третья функция метафоры заключается в упрощении сложных идей, трансляции их с помощью ассоциативного ряда, визуализации. Таким путем метафоры делают сложные концепции более доступными для работы с ними, их передачи и восприятия. Примером этой стороны работы метафоры может служить образ города, который используется социальными философами для того, чтобы проиллюстрировать принцип строения общества.

Можно сказать, что образ идеального города выступает устойчивой метафорой для передачи представлений о социальной структуре. Первые философы-утописты Томас Мор, Валентин Андреа, Томазо Кампанелла, моделируя совершенное общество, подробнейшим образом описывали утопические города. Их регулярная планировка, унифицированные жилые дома, городское зонирование, вынесение на окраины опасного производства, отражали главенство разума в социуме, утверждение в нем принципа коллективизма и уравнительной справедливости. Современные представления о городах будущего – это образы индивидуальных домов с автономным обеспечением и цифровой средой внутри, удаленных друг от друга и расположенных на лоне природы, или небольших поселений с малоэтажной застройкой, образующих между собой сотовую структуру, образы, которые иллюстрируют идеи «нового средневековья», «цифровой деревни», «сетевого кочевничества», или, напротив, образы глобальных городов, в которых сосредотачиваются центры управления мировой экономикой, концентрируются таланты, и дифференцируются социальные миры богатых и бедных [30, с. 96-109].

Рассмотрение метафоры как когнитивного приема в исследованиях образов будущего позволяет обнаружить психологические механизмы, обеспечивающие согласованность картин будущего в рамках социальных групп и временных периодов. Исследователь, опирающийся на выявление метафор в изучаемых образах будущего, минимизирует влияние собственного субъективного взгляда на будущее. Социальное конструирование

визуальной метафоры рассматривают в качестве одного из механизмов формирования образа будущего ученые из Томского университета Н.А. Лукьянова и М.В. Гончаренко [31].

Место архетипа в исследовании образов будущего

Архетип – устойчивая объяснительная структура, присутствующая не только и не столько в размышлениях о будущем, но и в осмыслении мира вообще. Он отражает универсальность смыслообразования, свойственную человеку. Согласно концепции К.Г. Юнга, архетипы – это изначальные образы, фрагменты коллективной психики, существующие с незапамятных времен и выступающие способами организации человеческого опыта [32], «предрасположенности», влияющие на человека вне зависимости от его воли [33]. Являясь частью более глубокого слоя – коллективного бессознательного: «хранилища всего, что было пережито человечеством, начиная с его самых отдаленных истоков» [34, с. 181], архетипы содержат образцы восприятия, переживания, импульсы и эмоциональные реакции, в соответствии с которыми человек выстраивает отношения с окружающим миром, реализует определенные модели поведения, играет социальные роли.

Юнг полагал, что архетипов может быть столько, сколько повторяющихся жизненных ситуаций [33]. Среди наиболее значимых доминант коллективного бессознательного Юнг выделял архетипы: *Анима, Анимус, Самость, Тень, Ребенок, Мать, Мудрец, Герой, Трансформация, Мана/Бог, Рай, Трикстери* и др. Каждый из них может представлять этап индивидуации, сюжет или устойчивый мотив, проявляясь с помощью символов в сновидениях, фантазиях, мифах, религиозных и социальных представлениях, художественных образах. Зарубежные исследователи Роберт Мур и Дуглас Жиллетт [35] говорят об архетипах *Монарха, Воина, Мага, Любовника-Возлюбленной* как о моделях, определяющих познавательную и эмоциональную жизнь человека. К. Пирсон и М. Пирсон сравнивают архетипы с программным обеспечением психики [36, с. 147] и подробно останавливаются на архетипах *Правителя, Мудреца, Героя, Любовника, Славного малого, Простодушного, Хранителя, Искателя, Бунтаря, Ребенка, Шута-Трикстера*, характеризуя их как глубинные мотивационные структуры, определяющие вкусы, предпочтения и индивидуальный выбор человека.

Ряд исследователей выделяют характерные особенности архетипов и порождаемых ими мотивов: императивность и всеобщность [37], повторяемость, инверсивность, типологичность [38], образцовость, доминантность, связь с памятью культуры [39]. Присутствуя в общественном сознании через образы-символы, архетипы способны регламентировать жизнь как отдельного человека, определяя его мышление и взаимодействие с социумом, так и коллектива, обеспечивая передачу стереотипов и ценностных представлений. Последнее особенно ярко прослеживается в политической сфере, где архетипы влияют на формирование образов власти, близких к эталонным [40], способствуют сохранению статус-кво общественного порядка [41], а также используются в качестве манипуляции массовым сознанием.

В формировании образов будущего архетипы выполняют роль своеобразных «подсказок», поступающих в сознание из коллективного бессознательного и помогающих организовать дискурс о будущем. Чем неопределеннее ситуация настоящего, в которой происходит обращение к будущему, чем размытее и туманнее видится перспектива, тем большее место в образах будущего занимают архетипы. В

отличие от когнитивной функции метафоры, отражающей индивидуальное стремление выразить неизвестное через знакомое, архетипы функционируют на коллективном уровне и активизируют универсальные объяснятельные модели в ситуации, когда человек ощущает растерянность перед будущим. Человек, испытывая напряжение от незнания грядущей перспективы, так или иначе стремится его преодолеть, в том числе, с помощью воображения. По этому поводу Е.В. Золотухина-Аболина пишет: «*чтобы не находиться в беспрерывной тревоге и не пребывать в безысходном ступоре, мы должны обладать спонтанными и целенаправленными способами совладания с неопределенностью мира и субъективности*» [\[42, с. 71\]](#). Архетипы, на наш взгляд, относятся как раз не к целенаправленным и рациональным, а неосознанным и инстинктивным способам коллективного сознания делать будущее более структурированным и узнаваемым.

В этом случае мы солидаризируемся с позицией К.Г. Юнга в том, что архетипы являются не генетически унаследованными представлениями, но инстинктивными векторами, трендами, задающими траекторию движения возможной перспективы, подобно тому, как «птицы вьют гнезда» или «муравьи строят свои муравейники» [\[32, с. 25-105\]](#). Архетипы определяют не сами представления, но принцип их возникновения. И в контексте размышлений о будущем они будут обуславливать возможности реагирования, являясь попыткой психологической подготовки и приспособления к столкновению с непредсказуемыми, подчас неожиданными событиями, для которых американский писатель Н.Н. Талеб ввел яркую метафору – «черные лебеди» [\[43\]](#). Поэтому, чем очевиднее присутствие архетипов в образах будущего, тем менее сознательно отношение к возможному будущему конкретного автора или социальной группы.

Архетипы как априорные формы сознания «невидимы» для самих их носителей, следовательно, неочевидны и архетипы, входящие в образы будущего для тех, кто эти образы разделяет. В то же время исследователь, работающий с анализом источников, содержащих представления о будущем, легко фиксирует присутствующие в образах архетипы, оперируя их содержанием, так как психологический механизм присутствия архетипов общий как для тех, кто пытается размышлять о неопределенном будущем, так и для тех, кто анализирует эти размышления. Выявление архетипов в картинах будущего позволяет узнать, какие именно элементы связаны не собственно с социальными ожиданиями, а с универсальными мыслительными схемами, глубинными установками психической деятельности человека. Так, различные исследователи, например, Ю.А. Никулина [\[44\]](#), Е.И. Петрова [\[45\]](#), Т.С. Паниотова [\[46\]](#) и др., предпринимали попытки проанализировать связь утопии с архетипами пространства, уходящими своими корнями в древность (*острова, сады, горы, города*), времени (*Золотой век*), небесных тел (*Солнца*), культурного героя и др. Архетипический подход позволяет исследователям проследить механизмы преобразования иррациональных элементов общественного сознания (архетипов) в рациональную форму (утопию), выделить общие схемы и образы, фиксируемые первоначально мифом.

На вопрос, как именно функционируют архетипы в представлениях о будущем, мы можем ответить, взяв в качестве примера общеизвестный архетип «Правителя». Чаще всего он выражается через фигуру (начальника, руководителя, вождя, царя), наделенную властью или особыми полномочиями. Предполагается, что именно Правитель осуществляет контроль над ключевыми сферами общества и поддерживает основы существующего миропорядка. Его отличительные особенности – умение сохранять спокойствие перед лицом хаоса и находить адекватные формы адаптации к возможным

изменениям. Этот аспект подчеркивали М. Марк и К. Пирсон, указывая, что Правители, расценивая все человеческие ситуации как исходно нестабильные, вместо них вырабатывают процедуры, политику, обычай и привычки, которые должны способствовать порядку и предсказуемости [36, с. 194]. Поэтому основные задачи Правителя – предупреждать опасные события, вносить в жизнь своих граждан ощущение устойчивости и надежности их положения, а главное, вселять людям уверенность в завтрашнем дне.

Отличаясь разнообразием вариаций в зависимости от эпохи и потребностей общества, архетип Правителя может интегрироваться с другими образами (например, отца, мудреца, войны) и освещать как положительные стороны обозначаемого лица: его героический характер, незаурядный интеллект, организационные способности, так и «теневые» черты: авторитарность, жестокость, тираническое и манипулятивное поведение. Между тем архетип Правителя может олицетворять не только конкретную личность, но и проявляться в специфике взаимоотношений в обществе, в особенностях мышления, во внешнем образе (имидже, стиле).

Архетип Правителя, присутствующий в представлениях о будущем писателей, философов, общественных деятелей, имеет различную ценностно-смысловую нагрузку и выражается преимущественно в образе главы государства. К примеру, архетип Правителя прослеживается в утопическом романе М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» [47] (1784) в образе монарха Офирской земли, и в романе-утопии русского писателя и публициста В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» [48] (1835) в лице монарха-поэта. В них мы видим символическую связь процветания общества с фигурой правителя.

Архетип Правителя актуализируется и приобретает сильный эмоциональный заряд в ситуации формирования общественного идеала, отличного или даже противостоящего принципам функционирования действующей власти. Примером может служить полемика русского просветителя Н.И. Новикова с Екатериной II (журналы «Трутень» и «Всякая всячина») [49], состоявшаяся в 1769 году и направленная на обличение нравственных пороков общества, тягот крепостного права, изъянов самодержавия. «Новиков не посягал на основы монархии, не думал об уничтожении крепостного права, но злоупотребления им стремился прекратить и горячо сочувствовал положению крестьян» [50, с. 49]. Его истинным образцом был просвещенный монарх, который неуклонно следует законам, не противоречит народной воле и прививает обществу культурные, образовательные ценности. По этому поводу можно вспомнить и философов-славянофилов А.С. Хомякова [51], И.В. Киреевского [52], К.С. и И.С. Аксаковых [53, 54]. Беря во внимание соображение философа К.Н. Леонтьева о монархии как о «родовом чувстве», принявшем государственное направление [55, с. 47], неудивительно, что образ мудрого царя для русского общества имел архетипическую природу.

Однако в произведениях отечественных писателей мы можем найти и другие, гротескные примеры архетипа Правителя, изображающие теневую сторону патернализма. Так, у русского публициста, критика и поэта К.С. Мережковского в книге «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века» [56] (1903) мы встречаем картину интеллектуального и нравственного деградирования общества, скрывающуюся под завесой «евгенической» идиллии. «Покровители» в обществе будущего – это представители высшего сословия, «хранители знаний», «ангелы во плоти», воплощающие классический архетип Правителя: они опекают своих подопечных (блаженных «друзей»,

наслаждающихся жизнью и полусознательных «рабов», выполняющих физический труд), управляют их жизнью, устраниют все, что угрожает их счастью. Но делегирование всех решений Покровителем, а физический труд – рабам хоть и привело общество к всеобщему благоденствию, вместе с тем обнажило его негативные качества: отсутствие критического восприятия, слепое повиновение, неспособность быть счастливым без руководства.

Искаженное представление о руководителе как о гаранте наступления светлого будущего прослеживается в утопическом романе современной отечественной писательницы Т.Н. Толстой «Кысь» [57] (2000). В нем обнаруживается абсурдность связи социального порядка с личностью правителя («наибольшего мурзы») – Федора Кузьмича, который, «день и ночь не спит» и «о нас голубчиках, кручинится: сыты ли мы, пьяны ли мы, нет ли в чем нам досады какой али увечья какого», он и творец-демиург всех научных открытий: «сани измыслил», «колесо из дерева резать догадался», «дал нам счет и письмо» [57, с. 22]. Между тем, иллюзорность активной управляемческой и научной деятельности Федора Кузьмича подчеркивают как описания его внешнего комичного образа (ростом едва по колено, «ручищи как печные заслонки» [57, с. 75]), так и изображение нищеты и безнадежности мира будущего: разрухи, еды из мышей и бессмысленного окультуриивания.

На примере архетипа Правителя мы можем увидеть три функции, выполняемые им по отношению к образу будущего: смыслообразующую, структурирующую и миметическую. Первая функция заключается в том, что архетипы выступают смысловой основой для изначально неопределенных ситуаций и делают возможную перспективу более узнаваемой, доступной для восприятия и осмысливания на индивидуальном и коллективном уровнях. Здесь архетипы подобны палитре, набор красок которой отображает резерв представлений о завтрашнем дне, именно в рамках этой «палитры» происходит выстраивание представлений о будущем. Вторая функция – структурирующая, выражается в том, что архетипы придают отдельным содержаниям картин будущего универсальный, стереотипный характер. Фундаментальные образы социальных преобразований, обретения рая, наступления конца света или технического прогресса, отражая тот или иной архетип, являются лейтмотивом для различных панорам будущего и обобщают социальные ожидания, свойственные определенной эпохе и обществу. Можно сказать, что архетипы задают основные темы в размышлении о будущем. Миметическая функция архетипов связана с символическим означиванием прошлого и воспроизведением в будущем наличных в культуре ценностей, моделей поведения, устойчивых образцов. Обращаясь к неопределенности будущего, коллективное сознание опирается на архетипический опыт предшествующих поколений, таким путем делая неизвестное более привычным.

Выводы

В этой статье мы обратились к проблеме происхождения образов будущего, представив краткий обзор существующих подходов к ее решению. В отличие от политологов, предполагающих возможным целенаправленно транслировать готовые образы будущего от элиты к массе (см. напр., [58]), мы солидаризируемся с исследователями [31], полагающими, что в процессе формирования картины будущего на уровне общества значительную роль играют бессознательные психологические механизмы, изучение которых позволит проследить неконтролируемые факторы, влияющие на видение перспективы. Жизнеспособный образ будущего не может быть полностью искусственно сконструирован какой-либо личностью, политическим или социальным институтом, в

значительной степени он складывается стихийно. Однако уже имеющийся образ может быть усилен, скорректирован, популяризирован. Методы этого «продвижения» конкретного видения будущего зависят от социокультурной ситуации и форм влияния на коллективное сознание, одним из способов этого влияния является использование описанных нами психологических механизмов.

В статье мы указали на два таких таких принципа: метафору и архетип, участвующих в формировании картин будущего, оба они обнаруживают использование при размышлении о будущем бессознательных приемов. И те, и другие могут выступать элементами объяснительных моделей, имеющих место при интеллектуальном освоении эмпирически не верифицируемых феноменов, в нашем случае – будущего. Мы показали, что стремление представить будущее включает такие установки надындивидуального сознания, благодаря которым воображение перспективы основывается на ассоциативных связях с настоящим (метафора) или задействует универсальные образы (архетипы). Это не единственный путь, по которому происходит формирование образов будущего, но наиболее востребованный в ситуации неопределенности, когда рациональное проектирование уступает место интуитивному и эмоциональному предвосхищению.

Использование метафоры в создании картин будущего помогает структурированию опыта, передаче эмоциональных переживаний, связанных с будущим и упрощению сложных идей. Архетипы, присутствующие в образах будущего, выступают своеобразной «подсказкой» при описании будущего, в ситуации, когда никакая конкретная перспектива не кажется убедительной, придают социальным ожиданиям узнаваемый образ, позволяют опереться при выстраивании стратегии будущих действий на устойчивые поведенческие образцы.

Учитывая универсальный характер рассматриваемых психологических механизмов при исследовании образов будущего, нам представляется важным фиксирование не самих архетипов или того общего, что присутствует в картинах будущего разных культур и эпох, а специфического в этом общем, то есть особенностей набора архетипических сюжетов, своеобразности символического их выражения. Полезным будет не просто констатировать присутствие тех или иных метафор в презентации будущего, а выделять оригинальные метафоры или принципы их использования при описании будущего.

Присутствие в образах будущего следов адаптационного механизма психики человека к принципиально неопределенной и потенциально опасной ситуации будущего позволяет снять противопоставление «номиналистического» и «реалистического» подходов к решению вопроса о природе образа будущего. Универсальность архетипических образов и интуитивная ясность метафор присутствует не только тогда, когда на уровне общественного сознания появляются новые образы будущего или конкретный человек занимается проспекцией, но и тогда, когда к реконструкции социальных ожиданий обращается исследователь. Обобщая дискурсы о будущем разного типа, он также использует метафоры и архетипы. Получается, что и первичное складывание картин будущего и вторичная реконструкция их задействует общие психические принципы – метафоры и архетипы – при воображении будущего, а также при изучении продуктов этого воображения.

Библиография

1. Albertson, L., Cutler, T. Delphi and the image of the future // Futures. 1976. Vol. 29. P. 397-404.
2. Polak, F.L. The image of the future / Translated by E. Boulding. Amsterdam: Elsevier,

1973. 319 р.
3. Rubin, A., Linturi, H. Formed From Knowledge and Flavored with Imagination – Images of the Future in Education // Journal of Instituto de la Juventud. 2014. No. 104.
  4. Kaboli, S.A., Tapio, P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. P. 32-43.
  5. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с. EDN: ZROVGV.
  6. Simandan, D. Wisdom and Foresight in Chinese Thought: Sensing the Immediate Future // Journal of Futures Studies. 2018. Vol. 22, No. 3. P. 35-50. DOI: 10.6531/JFS.2018.22(3).00A35 EDN: YHFYYH.
  7. Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 8-18. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.1 EDN: DNUVFC.
  8. Кравцов, О. Образ будущего как фактор политики // Nauka.me. 2020. № 1. С. 4. EDN: GAWHXL.
  9. Щербинин, А.И., Щербинина, Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285-299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 EDN: OIAVVZ.
  10. Белов, С.И. Перспективы использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании (на примере России) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 62-68. DOI: 10.21672/1818-510X-2019-58-1-062-068 EDN: DMNKIG.
  11. Комаровский, В.С. Образ желаемого будущего России: Проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45-50. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7041 EDN: JLPADV.
  12. Золотухина-Аболина, Е.В., Ингерлейб, М.Б. Будущее имеет сослагательное наклонение // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 166-177. EDN: LKSJCY.
  13. Шестопал, Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 2. С. 7-20. EDN: XHOGYF.
  14. Rubin, A., Linturi, H. Transition in the making. The images of the future in education and decision-making // Futures, 2001. Vol. 33. P. 267-305. EDN: AMCVQD.
  15. Kaboli, S.A., Tapio, P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. P. 32-43.
  16. Cowart, A. Living Between Myth and Metaphor: Level 4 of Causal Layered Analysis Theorised // Journal of Futures Studies. 2022. Vol. 27, No. 2. P. 18-27.
  17. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 215 с. EDN: YJZAPV.
  18. Бочегова, Н.Н. Национально-культурная специфика художественного текста и способы ее выражения // Studia Linguistica. Перспективные направления современной лингвистики. Вып. XII. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 242-252.
  19. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 144-238.
  20. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. 148 с. EDN: SJHTLP.
  21. Красных, В.В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, доп. М.: Гнозис, 2012. 333 с.
  22. Ушакова, Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Издво "Институт психологии РАН", 2011. 524 с.

23. Деррида, Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. СПб.: Академический проект, 2007. 494 с. EDN: QWQJQP.
24. Сепир, Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии / Пер. с англ. А.Е. Кибрика. Москва: Прогресс-Универс, 1993. 654 с.
25. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М., 1990. 256 с.
26. Ramachandran, V.S.; William Hirstein. The Science of Art: A Neurological Theory of Aesthetic Experience // Journal of Consciousness Studies. 1999. Vol. 6, No. 6-7. P. 15-51.
27. Козлова, Л.А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 899-925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925 EDN: OXIUJZ.
28. Борисова, В.А., Пигаркина, Е.А. Метафора и ментальный образ. Как мы понимаем метафоры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 2 (77). С. 94-99. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.094 EDN: KUFBTR.
29. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 260 с.
30. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
31. Лукьянова, Н.А., Гончаренко, М.В. Социальное конструирование и визуальная метафора // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 60-66. DOI: 10.17223/15617793/477/6 EDN: EOBSCL.
32. Юнг, К.Г. Архетип и символ / Сост. и выступ. Ст. А.М. Руткевича. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2022. 336 с.
33. Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное / Пер. с нем. В. Бакусева. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2009. 188 с. EDN: QXWWHT.
34. Юнг, К.Г. Структура и динамика психического / Пер. с англ. В.В. Зеленского. М.: "Когито-Центр", 2008. 478 с. EDN: RAXVOT.
35. Мур, Р., Жиллетт, Д. Король, воин, маг, любовник: новый взгляд на архетипы зрелого мужчины. М.: Литературная учеба, 2014. 192 с.
36. Марк, М., Пирсон, К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / Пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
37. Марков, В.А. Литература и миф: проблема архетипов (к постановке вопроса) // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне, 1990. С. 133-145.
38. Доманский, Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: пособие по спецкурсу. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 94 с. EDN: TJSQZZ.
39. Большаякова, А.Ю. Архетип, миф и память культуры // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя. Материалы Международной заочной научной конференции (г. Астрахань, 19-24 апреля 2010 г.). Астрахань: Изд. Дом "Астраханский университет", 2010. С. 5-14.
40. Шестопал, Е.Б. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018). М.: Изд. "Весь мир", 2019. 656 с. EDN: OWDOCW.
41. Веселов, Ю.А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. № 2 (96). С. 38-47. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47 EDN: HFZKVA.
42. Золотухина-Аболина, Е.В. Экзистенциальная неопределенность: проблема совладания // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 3 (29). С. 6-16. DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-6-16 EDN: HMHBYY.
43. Талеб, Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. А. Бердичевский, Виктор Валентинович Сонькин, М. В. Костионова, О. Н. Попов и др. 2-е изд., доп. М.: Азбука, 2022. 736 с.

44. Никулина, Ю.А. Миф и утопия: сопоставительный анализ // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы научно-методического семинара (г. Нижневартовск, 16 декабря 2017 года). Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2018. С. 282-285. EDN: YTLJQL.
45. Петрова, Е.И. Социально-психологические основания утопии // Сборник статей по материалам международного научного конгресса. Новосибирск: "Интерэкспо ГеоСибирь", 2009. С. 215-226.
46. Паниотова, Т.С. Утопия и миф в латиноамериканской культуре: к проблеме взаимосвязи // Ежемесячный научный и общественно-политический журнал "Латинская Америка". 2005. № 5. С. 86-91.
47. Щербатов, М.М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 179-347.
48. Одоевский, В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма. Повести и рассказы / Примечания Е.Ю. Хин. М.: ГИХЛ, 1959; Мюнхен: "Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание, 2006. С. 74-93.
49. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. // Новиков Н.И. Избранные сочинения / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Г.П. Макогоненко. Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1951. С. 34-65.
50. История русской журналистики XVIII-XIX веков / В. Г. Березина и др.; под ред. А.В. Западова. Москва: Высшая школа, 1963. 516 с. EDN: WAXXWP.
51. Хомяков, А.С. О старом и новом: статьи и очерки / Сост., вступительная статья и комментарии Б.Ф. Егорова. Москва: Современник, 1988. 461 с.
52. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика / Сост., вступительная статья и примечания Ю.В. Манна. Москва: Искусство, 1979. С. 238-248.
53. Аксаков, И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего // Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 258-267.
54. Аксаков, К.С. Записка "О внутреннем состоянии России..." URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml?ysclid=mefxq9ps62738581894 (дата обращения 15.07.2025).
55. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступительная статья, указание имен и комментарии А.В. Белова, отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 34-173. EDN: QWXGZH.
56. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступительная статья, указание имен и комментарии А.В. Белова, отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 34-173. EDN: QWXGZH.
57. Толстая, Т.Н. Кысь: Роман. Переиздание. М.: Подкова, 2001. 384 с.
58. Титов, В. В. Формирование образа будущего в современной России: массовая динамика и роль государства // Общество: политика, экономика, право. 2024. №4. С. 14-19. DOI: 10.24158/rep.2024.4.1 EDN: JEIJLF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, представленная к публикации в журнале "Философская мысль", посвящена изучению психологических механизмов формирования индивидуальных и

коллективных образов будущего, с акцентом на роль метафоры и архетипа в этом процессе. Автор рассматривает образ будущего как сложный феномен, существующий на стыке индивидуального и общественного сознания, и стремится раскрыть его когнитивные и символические основы.

В работе используется междисциплинарный подход, сочетающий элементы психологии, философии, лингвистики и социологии. Основное внимание уделено качественному анализу: автор опирается на теоретические концепции (когнитивная теория метафоры Лакоффа и Джонсона, юнгианская теория архетипов), а также приводит конкретные примеры из литературы, философии и публицистики для иллюстрации ключевых тезисов. Применяется герменевтический анализ текстов, что позволяет выявить универсальные и культурно-специфические паттерны в презентации будущего.

Тема исследования обладает высокой актуальностью в контексте растущего интереса к футурологии, прогнозированию и социальному проектированию. Понимание механизмов формирования образов будущего важно для анализа общественных настроений, идеологических конструктов и индивидуальных жизненных стратегий. Статья вносит вклад в дискуссию о природе будущего как объекта познания и его роли в социальной динамике.

Новизна работы заключается в синтезе когнитивного и архетипического подходов к изучению образов будущего. Автор не только анализирует метафору как инструмент мышления, но и предлагает оригинальную трёхфункциональную модель её работы (структуривание опыта, передача эмоций, упрощение сложных идей). Кроме того, вводится идея о взаимодополняющей роли метафоры (индивидуальный уровень) и архетипа (коллективный уровень), что позволяет снять противоречие между номиналистическим и реалистическим подходами к природе образа будущего.

Статья написана ясным, академическим языком, с соблюдением логической последовательности. Структура работы продумана: введение чётко обозначает проблему, основные разделы последовательно раскрывают теоретические основания и функции метафоры и архетипов, выводы подводят итоги. Однако объём работы мог бы быть сокращён без потери смысла — некоторые примеры (например, анализ фильма «Комиссар») избыточны и отвлекают от основной аргументации. Также стоит отметить, что раздел, посвящённый архетипу Правителя, представлен детально, но его связь с психологическими механизмами формирования будущего могла бы быть раскрыта более явно.

Список литературы достаточно объемный, отражает ключевые аспекты исследуемой темы и включает как классические, так и современные источники, в том числе работы по философии, психологии, лингвистике и футурологии. Вместе с тем, в библиографии встречаются повторения (например, Rubin и Linturi цитируются дважды под номерами 3 и 14), что указывает на необходимость более тщательной редакции. Также стоит включить больше работ, непосредственно связанных с когнитивными исследованиями будущего, например, труды М. Кастельса и П. Слотердайка.

Автор учитывает существующие дискуссии о природе образа будущего (номинализм vs. реализм), однако можно усилить полемику с оппонентами, например, с теми, кто рассматривает образ будущего исключительно как идеологический конструкт. Также недостаточно критически оценивается ограниченность юнгианского подхода, который

иногда подвергается критике за умозрительность и недостаточную эмпирическую обоснованность.

Статья представляет значительный интерес для философов, психологов, социологов и исследователей будущего. Выводы работы подчёркивают универсальность метафор и архетипов как механизмов адаптации к неопределенности будущего, что может быть полезно для разработки методов прогнозирования, анализа общественных настроений и идеологических дискурсов. Однако для усиления практической значимости автору стоит четче обозначить возможные приложения своего исследования — например, в области образования, политического проектирования или работы с коллективными травмами.

Статья может быть рекомендована к публикации после внесения некоторых изменений:

1. Сократить второстепенные примеры;
2. Усилить полемическую часть, представляя различные подходы и точки зрения на футурологические концепции;
3. Уточнить связь между теоретическим анализом и практическими импликациями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации статья стремится описать психологические механизмы формирования как индивидуального, так и коллективного образа будущего. По мнению автора, существующие исследования этого вопроса страдают одним общим недостатком: они не уточняют номинальный или реальный статус самой категории «образ будущего», понимая его то как завершенную «картину будущего», то как указания на отдельные черты этого будущего. Автор справедливо полагает, что с последним мы имеем дело гораздо чаще, и в реальности здесь вероятно играет большую роль деятельность самого исследователя индивидуальных и коллективных образов будущего. Соответственно, возникает вопрос: не является ли картина будущего результатом исследовательского конструирования? «Говоря о существовании некоего «общего знаменателя» в видении будущего, – утверждает автор статьи – нельзя не признать, что выделяется он исследователем, а потому и сам образ будущего в большей степени номинален, чем реален, скорее сконструирован, чем реконструирован». Далее автор утверждает, что в предыдущих своих исследованиях он исходил из того, что образ будущего – это все-таки феномен, а не исследовательский конструкт. Однако этот феномен не дается нам в прямом наблюдении, а «как любой культурный феномен существует через свои конкретные проявления – разноплановые дискурсы о будущем». Вопрос о том, как нам «работать» с этими разноплановыми дискурсами и является основной темой данной статьи.

Разумеется, автор настаивает, что это возможно лишь при междисциплинарном подходе, использующем методы герменевтики, аналитической и исторической психологии, лингвистики и социологии.

Автор вполне последовательно рассматривает различные подходы к возникновению образов будущего, роль метафоры и архетипов в формирования этого образа, демонстрируя хорошую эрудированность в этих вопросах и умение систематизировать и обобщать материал. В результате автор приходит к следующим выводам: а) в процессе формирования картины будущего на уровне общества значительную роль играют бессознательные психологические механизмы; б) жизнеспособный образ будущего не

может быть полностью искусственно сконструирован какой-либо личностью или социальным институтом, но в значительной степени он складывается стихийно; в) уже имеющийся образ может быть усилен, скорректирован, популяризирован, и это зависит от социокультурной ситуации и форм влияния на коллективное сознание. Со всем этим невозможно не согласиться, что, вероятно, и является главным недостатком статьи. Иными словами, статья едва ли привносит что-то новое по сравнению с уже имеющимися исследованиями. Относительно новым можно считать выделение «метафоры» и «архетипа» в качестве двух взаимодополняющих факторов. Первое, дескать, «основывается на ассоциативных связях с настоящим», а второе «задействует универсальные образы». Но все-таки это – лишь резюме имеющихся исследований, а не научная новизна.

Однако, не смотря на свое скептическое отношение к «научной новизне» данной статьи, я считаю, что она все-таки может быть опубликована в журнале. Она, как уже было сказано, обобщает и систематизирует обширный материал (тем самым выполняя так сказать «просветительскую функцию»), вполне аргументировано доказывает необходимость сделанных выводов, например, о преимущественно бессознательном характере формирования «образа будущего», написана сравнительно хорошим языком.